

Максим Горький

Орел

Максим Горький

Орел

«Public Domain»

1935

Горький М.

Орел / М. Горький — «Public Domain», 1935

«В конце главной улицы города, у выхода её в поле, к монастырскому кладбищу, – одноэтажный, в пять окон, дом, похожий на сарай. Он обшит тёсом и когда-то давно был выкрашен рыжей краской, но её смыли многие дожди, выжгло солнце, в дряхлое дерево глубоко въелась долголетняя пыль и окрасила его в свой, пепельно-грязный цвет. Но кое-где на коже дома ещё остались ржавые пятна, похожие на кровоподтёки после ударов. Очень старый дом. Он уже запрокинулся во двор, и тусклые стёкла окон его как будто хотят взглянуть в даль неба, точно им надоело смотреть на железную решётку ворот кладбища и на кресты над могилами за решёткой...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Максим Горький

Орёл

В конце главной улицы города, у выхода её в поле, к монастырскому кладбищу, – одноэтажный, в пять окон, дом, похожий на сарай. Он обшит тёсом и когда-то давно был выкрашен рыжей краской, но её смыли многие дожди, выжгло солнце, в дряхлое дерево глубоко въелась долгодетная пыль и окрасила его в свой, пепельно-грязный цвет. Но кое-где на коже дома ещё остались ржавые пятна, похожие на кровоподтёки после ударов. Очень старый дом. Он уже запрокинулся во двор, и тусклые стёкла окон его как будто хотят взглянуть в даль неба, точно им надоело смотреть на железную решётку ворот кладбища и на кресты над могилами за решёткой.

Фасад дома украшают четыре проржавевших вывески. Одна извещает: «Сей дом вдовы титулярного советника Анны Репьевой», на другой сказано, что дом «Свободен от постоя», – хотя размещение солдат в жилищах обывателей давным-давно не практикуется, – третья говорит, что дом «Застрахован в обществе «Саламандра», а общество это – «прогорело» лет тридцать тому назад. Четвёртая вывеска – побольше, свежее, ядовито зелёная, на ней изображён чёрный двуглавый орёл, и его дугою окружают чёрные слова:

«Канцелярия земского начальника первого участка Мямлинского уезда».

Летом земский начальник живёт в селе Савелове, вёрст за десять от города, и приезжает «править суд» по пятницам, часов в десять утра. Крестьяне обычно собираются на судбище рано утром и в хорошую погоду сидят под окнами канцелярии, на истоптанной кирпичной панели, а в дождь – жмутся на дворе; двор – большой, пустой, зарос крапивой, лопухом; от соседнего двора его отделяет полуразрушенный сарай, посредине двора – колодезь и старая, корявая ветла. Из бурьяна торчат обгоревшие пеньки и куча кирпича – остаток печи. Иногда земского ждут час, и два, и пять.

Жарко. В городе пахнет, точно на чердаке, – гретой пылью и птичьим помётом. Тихо. Дети – в школах, женщины – в кухнях, в огородах, мужчины – на службе, на работе. Под окнами канцелярии, потея, вздыхая, почёсываясь, сидят и лежат серые, тёмные бородатые люди, иные дремлют, кое-кто – спит, всхрапывая, посвистывая. Медленно плетётся разноголосый, негромкий говорок, но, слушая его издали, кажется, что это говорит всё время один и тот же человек.

– Не едет.

– Гляди – опять не будет.

– Наши дни для него – без цены.

– Дурят господа над нами.

– Этот ещё ничего!

– Н-да. Мягкой.

– Орёл.

– А вот в третьем участке брат его, Костянтин, ну и – собака!

– А ты бы не орал, – Гришка услышит, он тебе покажет.

– Эх, мать вашу крошу на лапшу!

На кладбище идёт козёл, важно покачивая головою.

– Исправник шагает...¹

– Похоже.

На минуту голоса примолкли, и слышно, как на кладбище яростно поют зяблики. Потом снова шелестят голоса.

– Костянтин приказал перед лошадьёю его шапки снимать.

¹ Исправник – начальник полиции в уезде – Ред.

– Ври!
– Верно. Не снимешь – день ареста. Другой раз не снимешь – трое суток.
– С ума сходят.
– Бывает и это. Мусин-Пушкин судил-судил да вдруг начал в стадо стрелять. Гонят стадо с поля, а он приснастился у окошка и – давай садить! Ружьё у него – не одно, так он и дробью и пулями.

– Много скота перепортил?
– Голов пяток, что ли.
– Это – верно. История – известная.
– Связали его, привезли в город, а там и говорят: «Да он давно уж с ума-то спятил!»
– Вот – черти!
– Так сумасшедший и судил?
– Так и судил.
– Отменили приговора-то?
– Нет, нельзя! Закон, слышь, обратно не действует.
Кто-то уныло говорит:
– Сидим, как пленные турки, эхма...
– Надобно, так посидишь, – отвечают ему, и снова вполголоса, не торопясь, плетётся

говорок:

– Лаяться мастер Костянтин.
– Умеет.
– Мужику против него не выругаться.
– Офицеры они все. У нашего брата в казармах учились.
– А приехал он, Костянтин, в село с женой, такая тоненькая, глазастенькая, щёки – жёлтые, как репа. И всего имущества привёз – чемодан, гитару да зелёную птицу попугая в клетке, и птица тоже матерно ругается.

– Ври, как на мёртвого!
– Верно. Птица – известная.
– Вскоре и лошадь привели, ну – ничего не скажешь – красавица!
– Это пред ней шапки снимать надо?
– Пред ней самой. Вся – белая, ноги – точёные, глаз – весёлый.
– Верно. Не идёт, а – пляшет!

Лошадь хвалят долго, подробно. Звонкий тенор подводит итог похвалам:

– Таковую лошадь не жеребцу крыть, а – губернатору.
– Эй, Евдоким, гляди, нарвёшься!
– А потом и повезли-и! Столы, стулья, диваны, сундуки, дома на три...
– Чу, Гришка проснулся...

Мужики гуськом, один за другим, идут во двор, толпятся пред чёрным крыльцом, а из дома выходит заспанный и встрёпанный Гришка Яковлев, бывший волостной писарь, великий знаток всех законов жизни, знаменитый пьяница. Выход его всегда одинаков: крупно шагая длинными и тонкими ногами, покачивая сильно вздутым животом, без рубахи, в тиковых полосатых подштанниках, босой, с полотенцем на плече, он подходит к колодцу и, не глядя на людей, командует хрипло:

– Давай!

Кто-нибудь из мужиков вытаскивает бадью воды, Гришка сгибает узкогрудое, серокожее тело под прямым углом, всхрапывает:

– Лей!

Мужик обливает подземной, холодной водой лысоватую, тыквоподобную голову, спину с лопатками, как ладони. Журавлиные Гришкины ноги трясутся, шевелятся рёбра, как у загнанной лошади, он кашляет, ругается, хрипит, держась руками за сруб колодца.

– Три!

Мужик усердно растирает полотенцем Гришкину спину.

– Тиш-ше, чёрт!

И наконец, выпрямившись, всё такой же серокожий, Гришка говорит:

– Сегодня земский не приедет. У кого есть прошения – давай! Остальные – ползи домой!

Большинство мужиков и баб уныло и ворчливо уходят со двора, а некоторые идут за Гришкой в канцелярию, упрашивая его:

– Григорий Михалыч, бога ради – двинь дело! Который раз приходим. Сам понимаешь, косить пора! Мы же люди не свободные.

Законник, покашливая, шутит:

– Врёте: покуда не арестованы – значит, свободны.

Но шутку эту давно знают, и она никого не смешит. Черноволосый, курчавый, как цыган, Евдоким Костин, мастер по установке жерновов на мельницах, ставит дело просто и ясно; он говорит нахмураясь, оскалив плотные белые зубы:

– Григорий, ты меня не томи, морду побью! А взыщешь с Волокушина – трёшницу дам.

Гришка, стоя на верхней ступени крыльца, затяжно кашляет, ноги его трясутся, он схватился за кромку двери, чтоб не упасть, его длинное, серое, в рыжей бороде, лицо вспухло, побурело, он бьёт себя кулаком в грудь и наконец, прокашлявшись, скрипит:

– Я – что? Взятчик?

– Ну, а – кто? – спокойно спрашивает Костин.

– Меня – купить можно?

– Все покупают.

– Слышали? – обращается Гришка к мужикам. – Это называется оскорбление словом при исполнении служебных обязанностей. Будьте свидетелями.

– Э, дурак, – махнув на него рукою, говорит Костин и идёт прочь, а за ним быстро следуют мужики, приглашённые в свидетели.

Поглаживая грудь, Гришка садится на верхнюю ступень крыльца и мотает мокрой головой, влажные, рыжие и уже полуседые волосы падают на серые щёки его. Глаза законника опухли, белки налиты кровью.

– С-сволочь, – высвистывает он и снова кашляет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.